

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.14921497

УРОВНИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АББРЕВИАТУР НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА¹

© 2025 В.А. Рязанова¹, Е.Н. Станкус²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0000-0002-7517-8589

ORCID²: 0000-0002-0271-9698

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию уровней интерпретации аббревиатур – параметра, обнаруженного при обработке результатов анкетирования по выявлению закономерностей в стратегиях расшифровки аббревиатур носителями языка. Актуальность исследования определяется тем, что положения синхронно-эквивалентностного подхода, в рамках которого проводится исследование, ранее не проходили полноценную апробацию с привлечением реальных респондентов. В ходе работы применялся метод анкетирования с разбивкой на контрольную и экспериментальную группы; для оценки полученных ответов применялись методы структурного и ономаσιологического анализа, сопоставления, классификации и описания. В результате изучения полученных данных удалось выделить три уровня структурно-семантической интерпретации аббревиатуры, присваиваемые ей в зависимости от успешности ее расшифровки носителем языка в адекватное словосочетание, отражающее структурно-ономаσιологическую специфику сокращения и сконструированное с учетом общелитературных норм.

Ключевые слова: дешифровальный стимул, расшифровка аббревиатуры, уровень интерпретации, синтаксический эквивалент.

Для цитирования: Рязанова В.А. Уровни структурно-семантической интерпретации аббревиатур носителями языка / В.А. Рязанова, Е.Н. Станкус // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 47–57. – <https://doi.org/10.5281/zenodo/14921497>.

Введение. Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее – Лаборатория) проводит изучение сложносокращенных апеллятивов в синхронно-эквивалентностном аспекте [4; 5; 9; 10]. Согласно этому подходу, аббревиатура на актуальном срезе языка может иметь несколько эквивалентных структурных трактовок, т.н. синтаксических эквивалентов. Например, сложносокращенное слово (ССС) *морпуть* ('установившиеся направления, по которым следуют главные массы морского транспорта') на актуальном срезе языка имеет 3 частотных синтаксических эквивалента: *морской путь*, *путь по морю*, *мореходный путь*. Предполагается, что полиэквивалентность сокращений обусловлена действием дешифровальных стимулов – выработанных в сознании носителей языка критериев расшифровки аббревиатур, которые позволяют стихийно формировать для сокращений эквивалентные словосочетания по аналогии с ранее усвоенными моделями расшифровок аббревиатур похожей структуры.

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ государственной регистрации НИОКТР 124051400024-1).

Выводы, полученные при исследовании сокращений в синхронно-эквивалентностной перспективе, легли в основу «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» (далее – Словарь), составлением которого занимается Лаборатория. Словник разрабатываемого Словаря насчитывает около 12 тыс. сложносокращенных апеллятивов в совокупности с их частотными синтаксическими расшифровками. При этом как получение теоретических сведений, так и сбор языкового материала для Словаря проводились опосредованно, с использованием данных, накопленных из информационно-поисковых систем и электронных текстов. Эмпирическая база, включающая расшифровки аббревиатур, полученные от реальных носителей языка, у Лаборатории отсутствует. Создание базы данных, на основе которой можно провести верификацию результатов исследований аббревиатур в синхронно-эквивалентностном аспекте, является **актуальной** задачей.

Для установления реальных стратегий расшифровок аббревиатур носителями языка нами был проведен опрос среди 60 респондентов. В результате анализа ответов были обнаружены особенности интерпретации аббревиатур, которые ранее не учитывались Лабораторией. В частности, отмечается тенденция к лакунарности при построении синтаксических эквивалентов.

Цель данного исследования – описать уровни структурно-семантической интерпретации сложносокращенных апеллятивов в зависимости от выбора носителями языка стратегий их расшифровки.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили результаты анкетирования, проведенные среди 60 респондентов – обучающихся 9 и 10 классов среднеобразовательного лицея № 1 г. Донецка. В ходе работы применялся метод анкетирования с разбивкой на контрольную и экспериментальную группы. Для оценки результатов анкетирования применялись методы структурного и ономаσιологического анализа, сопоставления, классификации и описания.

Основная часть.

1. Теоретические основы синхронно-эквивалентностного подхода.

В результате анализа электронных текстов было установлено, что одной и той же инициальной аббревиатуре может соответствовать сразу несколько словосочетаний, находящихся с сокращением в отношениях текстовой эквивалентности. Под текстовой эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов инициальной аббревиатуры и мотивационно связанной с ней словосочетания. Например, сокращение *канцнабор* находится в отношениях текстовой эквивалентности со словосочетанием *набор канцелярских принадлежностей*: обе номинации включают одинаковые формальные компоненты; они встречаются в одном контексте и отсылают к одному и тому же референту; они регулярно используются носителями языка (для каждой фиксируется не менее 500 включений в электронные тексты) [11]. Таким образом, вокруг сложносокращенного апеллятива может формироваться множество синтаксических эквивалентов, составляющих гнездо эквивалентности (далее – ГЭ) сокращения.

Термин «дешифровальный стимул» был введен В.И. Теркуловым и изначально касался формального аспекта описания моделей расшифровки сокращений. В зависимости от способов репрезентации структурных компонентов сокращения в расшифровке Лабораторией выделяется три типа дешифровальных стимулов:

– презентативный ДС – модель, в которой конструктор принимает адъективное выражение и передает максимально обобщенное значение: *диссовет – диссертационный совет* [2, с. 100];

– модификативный ДС – модель, формирующая более сложное, чем аббревиатура, словосочетание, включающая в его состав «дополнительный ономаσιологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова»: *грузоконтейнер – контейнер для грузоперевозок* [2, с. 100];

– реляционный ДС – модель, реализующая «актантную и актантно-числовую семантику как презентатива (*авиационный корпус – корпус авиации*), так и модификатива (*автопроезд – проезд для автомобильного транспорта – проезд для автотранспорта*)» [6, с. 142–143].

Последнюю модель дешифрования принято считать самой продуктивной, поскольку все ДС тесно взаимосвязаны друг с другом через реляционную семантику, что позволяет уточнять план содержания аббревиатуры. Наполнение актантных моделей эквивалентных словосочетаний мы предлагаем называть **реляционной тактикой**, которая рассматривается нами в рамках ономаσιологического подхода. Существуют 2 базовые ономаσιологические модели для реализации актантной семантики:

1) модель реляционного презентатива [базис] + (объект₁)¹ = ССС: *профадaptация – адаптация к профессии*, где базис – *адаптация*, объект₁ – *к профессии*. Уровень интерпретации дешифровок, образованных по этой модели, выше, чем у презентативов, но ниже, чем у модификативов, так как в тексте эквиваленты и ССС могут выступать в качестве абсолютных синонимов;

2) модель реляционного модификатива [базис] + (объект₁+объект₂)[↑] ≠ ССС: *нефтеразведка – разведка месторождений нефти*, где *разведка* – базис, объект₁ – *месторождений*, объект₂ – *нефти*. Символ [↑] указывает на высокий уровень интерпретации аббревиатуры, так как в эквивалентных текстах сложносокращенный аппеллятив и эквивалент не выступают в качестве абсолютных синонимов, на что указывает знак ≠. Каждая модель имеет варианты, исходя из наполнения ономаσιологического базиса, наличия ономаσιологического признака или объекта.

Позднее был предложен более широкий подход к пониманию дешифровальных стимулов как имплицитных знаний пользователей языка, которые влияют на стратегии развертывания аббревиатур [8].

Широкое понимание дешифровальных стимулов базируется на положении синхронно-эквивалентностного подхода о действии стереотипа развертывания аббревиатур, сложившегося в сознании носителей языка: всякая сложная конструкция, формально соответствующая аббревиатуре, должна иметь на актуальном срезе языка неоднословную эквивалентную расшифровку. Это касается как реальных диахронных аббревиатур, возникших на базе синлексов, так и квазиаббревиатур – номинаций, образованных в результате прямого присоединения абброморфемы к простому слову. Например, на актуальном срезе языка сложные номинативные единицы *управдир* и *топ-новость* имеют расчлененные эквиваленты *управляющий директор* и *топовая новость*. Лексема *управдир* возникла в результате реального сокращения синлекса *управляющий директор*, а *топ-новость* – в результате присоединения абброморфемы *топ* к слову *новость*. *Топ* – не часть компонента словосочетания, а англоязычное заимствование (ср. с англ. *top* ‘высший’, ‘максимальный’, ‘лучший’), присоединяемое в качестве приставки к узуальным словам для обозначения высшей степени чего-либо.

Стремление к использованию развернутых эквивалентов вместо аббревиатуры обусловлено прагматическими целями автора текста. Это, во-первых, необходимость разнообразить текст лексическими единицами и избежать нанизывания аббревиатуры. Во-вторых, с помощью расшифровок автор может провести семантическое уточнение значения сокращения. В отличие от презентативных моделей, релятивные и

модификативные расшифровки могут эксплицитировать информацию о семантике, не получившую материального выражения в сокращении.

Например, сложносокращенный аппеллятив *нефтеочистка* имеет синтаксические эквиваленты (1) *нефтяная очистка*, (2) *очистка нефти*, (3) *очистка от нефти*. Расшифровка (1) лишь констатирует связь объекта, называемого признаковым компонентом, с процессом, выраженным в базисе. Релятивные эквиваленты (2) и (3) конкретизируют потенциальные реляционные отношения между компонентами сокращения, в результате чего расшифровки приобретают различную, едва ли не противоположную семантику: в расшифровке *очистка нефти* признаковый компонент получает аллативное значение (обозначает объект, на котором скажется результат действия / мероприятия, выраженное базисом), а в расшифровке *очистка от нефти* – контрагентивное (указывает на объект, против которого направлено действие / мероприятие, выраженное базисом). Таким образом, расшифровки (2) и (3) называют, по сути, разные референты, выступая в данном случае абсолютными симульгантами [3, с. 494].

Предполагается, что на основе воспринятых аббревиатур и их расшифровок, которые являются своего рода прецедентными единицами, в сознании носителей языка формируется матрица допустимых моделей дешифровки аббревиатур, которая включает два аспекта: синтаксическую схему расшифровки и ономаσιологическое значение, которое соотносится с этой схемой.

Например, у сложного слова *автокресло* на актуальном срезе языка существуют частотные эквиваленты (1) *кресло автомобиля* и (2) *кресло для автомобиля*. Существительное в форме Род. п., непосредственно присоединяемое к базовому компоненту, передает явное посессивное значение, в то время как предлог *для* используется для передачи дестинативного или медиативного значения признакового компонента. Можно сделать вывод, что эквивалент *кресло автомобиля* называет базис (*кресло*) как элемент в составе объекта, обозначенного признаковым компонентом словосочетания (*автомобиля*). Словосочетание *кресло для автомобиля*, в свою очередь, называет самостоятельный объект (*кресло*), который может стать частью объекта, обозначенного признаковым компонентом (*для автомобиля*), или каким-либо образом быть использованным по отношению к последнему.

В ряде случаев носители языка создают для расшифровки аббревиатур словосочетания с нарушениями общепринятых языковых норм [8]: *медикаментозная маска* вместо *медицинская маска* для сокращения *медмаска*, *продукт из пчел* вместо *продукт пчеловодства* для сокращения *пчелопродукт*, *будка кино* вместо *будка киномеханика* для *кинобудка* и мн. др. Существование таких синтаксических эквивалентов лишь подтверждает предположение, что пользователи языка прибегают к индивидуальным схемам расшифровки сокращений, а не ограничиваются использованием кодифицированных конструкций, которые можно получить из словарей сокращений и справочников.

Выдвигается предположение, что дешифровальные стимулы как кластер базы коммуникативного опыта носителя языка формируются под влиянием внеязыковых факторов. Критерии расшифровки сокращений могут коррелировать с местом проживания, возрастом, полом, уровнем образования и сферой деятельности носителя языка, его социальным окружением и т.д.

2. Проведение опроса.

Для выявления закономерностей в стратегиях расшифровки аббревиатур (в частности, в выявлении регулярности использования релятивных расшифровок по

сравнению с другими типами дешифровальных стимулов), нами было проведено анонимное анкетирование респондентов.

Ими стали 60 обучающихся 9 и 10 классов среднеобразовательного лицея № 1 г. Донецка. Для анкетирования было отобрано 30 сложносокращенных апеллятивов из Словаря (10 квазиаббревиатур, 10 функционально ограниченных лексем, 10 аббреквивалентных аббревиатур). В одну анкету вошло 10 сложносокращенных апеллятивов разного типа, которым требовалось дать несколько эквивалентных словосочетаний, построенных по модели «существительное + существительное», т.е. привести реляционную модель эквивалентности аббревиатуры (*автопробег – пробег автомобиля*, а не *автомобильный пробег*). Стоит отметить, что аббревиатуры были представлены без толкований. Все языковые единицы в одной анкете не давались намеренно во избежание плагиата. Помимо этого, участникам нужно было указать свой возраст и класс. Таким образом, было подготовлено 30 оригинальных анкет.

Работа была организована в три этапа: подготовка к анкетированию, его проведение, обработка и анализ полученного материала. На первом этапе все учащиеся были разделены на две группы по 30 человек. Экспериментальная группа перед началом работы в упрощенной форме получила базовые теоретические сведения о сложносокращенных словах, эквивалентных словосочетаниях и дешифровальных стимулах. Контрольной группе были выданы анкеты без объяснения. Каждая группа выполняла задания в разных аудиториях за одинаковое количество времени (15 минут).

Полученные результаты были проанализированы и классифицированы для каждой группы: а) дешифровальные стимулы, присутствующие в Словаре; б) отсутствующие в нем и требующие проверки по количественным методикам; в) толкования сложносокращенного слова. Также определена частотность каждого варианта (в статье она указана в скобках после приведенного варианта). Стоит отметить, что в контрольной группе ответы из пунктов б) и в) преобладают над а). Это говорит о том, что во многих случаях анкетуемые не различают задачи «дать толкование сокращения» и «привести структурный эквивалент сокращения», при этом сами словосочетания воспринимаются анкетуемыми как толкования, а не как эквиваленты аббревиатур. Например, к квазиаббревиатуре *автоприцеп* ‘дополнительный кузов, прицепляемый к автомобилю’, для которого в Словаре зафиксированы эквивалентные словосочетания *автомобильный прицеп*, *прицеп для автомобиля*, *прицеп для авто*, *прицеп для автомобилей*, *прицеп на автомобиль*, *прицеп автомобиля*, *прицеп на авто*, *прицеп авто*, *прицеп автомобилей*, *прицеп на автомобили*, были предложены следующие расшифровки:

а) для *автомобиля* (4), *автомобильный* (7), *автомобиля* (4);

б) *автомобиль, использующий прицеп* (3); *прицеп для приспособления одного автомобиля к друг другу* (2); *дополнительный прицеп для автомобиля* (2);

в) *автоматический* (4), *автономный* (4), *к автомобилю* (1), *для автомашин* (2), *для автомашины* (1).

Для сравнения приведем результаты экспериментальной группы для этого же аббревиатурного слова:

а) для *автомобиля* (5), для *авто* (4), для *автомобилей* (4). *автомобильный* (5), для *автомобиля* (3), *на автомобиль* (3);

б) *к автомобилю* (4), для *автотранспорта* (2), для *авто* (2), *автоматический прицеп для перевозки груза на автомобиле* (1).

Как видим, во второй группе обучающиеся отделяют толкование от эквивалентности, но приводят более сложные дешифровки аббревиатуры в виде модификатива (*прицеп для перевозки груза на автомобиле*). Методики отбора

синтаксических эквивалентов показали, что эквивалента такой модели не существует для ССС *автоприцеп*, но словосочетание *прицеп для перевозки груза* может быть эквивалентом для сокращения *грузоприцеп*. Во-первых, в гнезде эквивалентности, которое состоит из единиц *грузовой прицеп*, *прицеп для грузов*, *прицеп для груза*, *прицеп для грузоперевозок*, *прицеп для грузоперевозки* обнаруживаются модификативы: *прицеп для грузоперевозок*, *прицеп для грузоперевозки*. Напомним, что реляционная дешифровальная модель реализует актантную семантику как презентатива, так и модификатива. В ГЭ *грузоприцеп* лакунарность реляционно-модификативной семантики обнаруживается с помощью анкетирования. Во-вторых, словосочетание *прицеп для грузоперевозки* в И. п. встречается в поисковой машине Google 44100 раз, что говорит о вхождении единицы в узус.

Также стоит обратить внимание, что в обеих группах были приведены презентативы, несмотря на то, что перед началом анкетирования мы фиксировали внимание респондентов на подборе для расшифровки конструкторов существительных, а не прилагательных. Такой выбор эквивалента только подтверждает тот факт, что презентативная модель дешифрования сложного слова одна из самых устойчивых.

Для квазиаббревиатур с единственным эквивалентным словосочетанием анкетлируемые предлагали варианты с релятивами, которые потенциально могут войти в словарную статью. Например, для ССС *видеоприложение* (с эквивалентным ему словосочетанием *приложение для видеосвязи*) экспериментальной группой были даны дешифровки как реляционного презентативного типа, так и реляционного модификативного: *для видео* (15), *к видео* (10), *с видео* (8), *из видео* (7), *для обработки видео* (6), *для просмотра видео* (6), *в виде видео* (5), *в формате видео* (3). Совпадения с эквивалентом, зафиксированным в Словаре, отсутствуют. Также среди ответов присутствовали описательные конструкции или толкования, что косвенно указывает на квазиунивербализационный характер формирования слова *видеоприложение*: *приложение, в котором используется видео, программа для видео*.

К функционально ограниченным лексемам, например, устаревшим словам, контрольная группа подбирала либо описательные характеристики, либо словосочетания, которые не являются эквивалентами сложному слову. Стоит отметить, что верные эквиваленты тоже были приведены, но таких ответов было меньше всего. Например, для ССС *домоправитель* ‘должностное лицо, управляющее хозяйством; эконом’ (с одним эквивалентом *правитель дома* в ГЭ) были предложены следующие варианты: *домашний правитель* (10), *правитель домом* (9), *тот, кто правит домом* (7), *человек, управляющий домами* (4), *тот, кто правит домашними* (3), *правитель дома* (2). Экспериментальная группа привела те же релятивные эквиваленты, но без описательных конструкций.

Трудность возникла у анкетлируемых при работе с историзмами. В каждой группе обучающиеся либо интерпретировали план содержания аббрекконструктора ошибочно, либо оставляли эти единицы без ответа. Например, для ССС *кавбригада* ‘оперативно-тактическое соединение кавалерии, состоящее из нескольких кавполков или батальонов’ с эквивалентным словосочетанием *кавалерийская бригада* в ГЭ школьниками были предложены варианты *кавказская бригада* (5), *бригада из Кавказа* (4).

3. Уровни интерпретации аббревиатур.

В зависимости от примененных носителями языка стратегий расшифровки аббревиатуры в синтаксический эквивалент предлагается выделять 3 уровня формальной интерпретации аббревиатур.

Нулевой уровень (0). Пользователь языка не расшифровывает аббревиатуру в синтаксический эквивалент. Вместо мотивационно связанного словосочетания

респондент приводит односложный синоним или толкование значения аббревиатуры, либо вовсе оставляет позицию незаполненной. Например, в результатах анкетирования обнаруживаем такие конструкции для сокращения *бурустановка: установка, предназначенная для бурения пород земли; установка, которая бурит; прибор для пробивания толщи земли.*

Лаборатория разграничивает толкования сокращений и их расшифровки, поскольку они, во-первых, связаны с разными типами интерпретации сокращений (формально-ономазиологической и семантической); во-вторых, синтаксический эквивалент является синлексом (раздельнооформленной номинативной единицей), выступает в качестве члена предложения и выполняет в нем те же функции, что и универбат; в-третьих, при интерпретации семантики, как и при подборе синонимов, респондент не проводит трансформацию компонентов аббревиатуры в части словосочетания, т.е. не задействует собственные навыки расшифровки аббревиатур. Таким образом, толкования и синонимы не могут рассматриваться в качестве возможных эквивалентностных трактовок аббревиатуры.

Случаи нулевого уровня интерпретации аббревиатуры можно объяснить как спецификой самих языковых единиц, так и индивидуальными особенностями ментального лексикона респондента.

С одной стороны, сложносокращенные апеллятивы, в отличие от инициальных аббревиатур, пишутся со строчных букв и в большинстве случаев имеют парадигму склонений, что формально сближает их с простыми словами (ср. *авиавыставка* и *ВДНХ*, *на авиавыставку* и *на ВДНХ* и т.д.). В результате неинициальная аббревиатура может восприниматься как простое слово с аффиксоидом, которое не требует развертывания в словосочетание: ср. с заимствованными аббревиатурами *пиар* (от англ. *PR, public relations*), *лазер* (от англ. *laser, Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation*), которые в русском языке утратили связь с исходным синлексом. При этом во многих аббревиатурах абброконструкт воспринимается как элемент, не требующий расшифровки, особенно в квазиаббревиатурах. Это можно объяснить наличием юкстапозитных образований. Под **юкстапозитами** следует понимать «разновидность гибридно-аббревиатурной трактовки сложносокращенных слов, которая указывает на совпадение форм конструкта и эквивалентов» [7, с. 309]. Например, в гнезде эквивалентности ССС *автозаправка* словосочетание *заправка авто* указывает на семантическую самодостаточность абброконструкта, что приводит к тому, что респонденты воспринимают языковую единицу как сложное слово, образованное путем словосложения, а не как аббревиатуру, требующую расшифровки. Это явление объясняет причины большого количества толкований и описательных конструкций в контрольной группе.

С другой стороны, у носителя языка может быть недостаточно языковых компетенций, чтобы успешно интерпретировать сокращение. Эта закономерность прослеживается с функционально ограниченной лексикой, при расшифровке которой необходимы специальные знания. Например, не все респонденты смогли привести расшифровку для аббревиатур *ардом*, *армиском*, *генкарверх*.

Первый уровень (1А). Носитель языка расшифровывает аббревиатуру с помощью вторичных презентативных расшифровок. Например, в контрольной группе были приведены ответы *автономные аксессуары*, *автоматические аксессуары* в качестве эквивалентных словосочетаний для ССС *автоаксессуары*.

Исследователи (Е.А. Земская, Ю.Д. Апресян) отмечают высокую расплывчатость значения прилагательных, поэтому «приписывать им какие-либо значения, кроме самого общего отношения к тому, что обозначено основой, нецелесообразно» [1, с. 212]. Таким

образом, расшифровка «существительное (базис) + прилагательное (признак)» является практически универсальной для развертывания любого сложного слова, но при этом не конкретизирует ономаσιологические аспекты сокращения.

При этом необходимо оговориться, что в некоторых случаях использование презентативной расшифровки приводит к искажению заложенной в аббревиатуре семантики: *миронарушитель* – *мировой нарушитель* (= мирового уровня) вместо *нарушитель мира*, *лесопогрузка* – *лесная погрузка* (= проводимая в лесу) вместо *погрузка леса*, *культурработница* – *культурная работница* (= воспитанная) вместо *работница культуры* и др.

Первый уровень (1Б). Респондент дает аббревиатуре релятивную или модификативную расшифровку, построенную с отступлениями от языковых норм. Например, для ССС *автонасос* синтаксический эквивалент *автомашинный насос* был приведен 5 раз в экспериментальной группе и 8 раз в контрольной; *оборудование для авиамашин* для аббревиатуры *авиаоборудование* в контрольной группе предложен 4 раза, в экспериментальной – 9.

При анализе языкового материала, составляющего эквивалентностный блок разрабатываемого Словаря, было обнаружено более 900 т. н. некодифицированных расшифровок, на основе которых выведены наиболее частые механизмы формирования синтаксических эквивалентов с нарушениями языковых норм. Это неверное использование суффиксальных паронимов для образования расшифровок (ср. *бактериологический отдел* и *бактериальный отдел*); неверное определение актантной роли конструкта при дешифровке сокращения (*полировка вибрацией* и *полировка вибраций*); неверное определение семантики сокращения, которое приводит к формированию несоответствующих расшифровок (*бронированная каска* и *броневой каска*); развертывание заимствованных сокращений по моделям исконных языковых единиц без учета особенностей семантики (*артистическое кафе* для заимствования *арт-кафе*); использование в структуре словосочетания просторечных компонентов (*производство наркотиков* и *производство наркоты*); примитивизация расшифровки аббревиатуры (*завод по выращиванию грибов* и *завод грибов*); образование плеоназмов (*бытовой прибор* и *прибор бытовой техники*).

На данном уровне носитель языка стремится применить навыки интерпретации сокращений, использовать более функциональные, чем простые презентативы, расшифровки, однако делает это недостаточно компетентно.

Второй уровень (2). Респондент конструирует целесообразные и грамотные расшифровки релятивного и модификативного типов: *кинопостер* – *постер к кинофильму*, *соцпартия* – *партия социалистов*, *административное правонарушение* – *штраф за административное правонарушение*. Например, как в контрольной, так и в экспериментальной группе для ССС *военформа* анкетируемые в качестве эквивалентов предложили следующие реляционные дешифровки: *для военных* (18), *для военнослужащих* (15), *для военного* (11), *на военнослужащих* (10).

К этому же уровню относим презентативные расшифровки, которые на деривационном уровне являются первичными по отношению к аббревиатуре (при синхронном подходе к словообразовательным процессам показателем первичности является соотношение частотности использования словосочетания и сокращения: исходное словосочетание используется чаще, чем сокращение или другие расшифровки из гнезда эквивалентности): *статпогрешность* – *статистическая погрешность* (согласно квантитативным данным разрабатываемого Словаря, расшифровка используется $\approx$ в 10 раз чаще, чем аббревиатура и другие синтаксические эквиваленты);

культурцентр – культурно-просветительский центр (расшифровка используется не менее чем в 100 раз чаще, чем сокращение и другие синтаксические эквиваленты), *бортсумка* – *бортовая сумка* (расшифровка используется ≈ в 1000 раз чаще, чем сокращение и другие синтаксические эквиваленты).

Такие синтаксические эквиваленты позволяют корректно передать структуру, ономазиологическое значение и семантику аббревиатуры, что обеспечивает адекватное восприятие единиц одного гнезда эквивалентности адресатом.

Заключение. Анкетирование респондентов для определения степени осознанности процесса расшифровки сложносокращенных слов показало эффективность этого метода. С помощью него были установлены уровни интерпретации аббревиатуры, указывающие не только на особенности ее восприятия, но и на реализацию дешифровальных моделей.

Обнаружено, что респонденты далеко не во всех случаях способны интерпретировать аббревиатуру в словосочетание. Это объясняется отсутствием в сознании носителей языка предварительно усвоенных критериев для расшифровки аббревиатур.

Кроме того, с помощью опроса были обнаружены лакуны в гнездах эквивалентности аббревиатур, составляющих Словарь. Например, для ССС *авиаангар* ‘специальное помещение для стоянки, технического обслуживания и ремонта *авиатехники*’ экспериментальной группой были предложены такие варианты дешифрования, которые не зафиксированы в Словаре: *для авиатранспорта, авиатранспорта, под авиацию, для авиации, с авиацией*. Проверка по квантитативной методике показала, что словосочетания *ангар авиатранспорта* (2 употребления), *ангар под авиацию* (14 употреблений) не войдут в гнездо эквивалентности, поскольку количество их баланс индекса больше 500. А словосочетания *ангар для авиатранспорта* (119 употреблений), *ангар для авиации* (11589 употреблений), *ангар с авиацией* (1203 употребления) заполнят лакунарные позиции в гнезде эквивалентности, и с учетом этих единиц (выделены в статье полужирным) словарная статья может выглядеть следующим образом:

Авиаа́нга́р, -а, м. Специальное помещение для стоянки, технического обслуживания и ремонта *авиатехники* ◀ 1: *авиационный ангар, ангар для авиации* ▶ 10: *ангар с авиацией*; 20: *ангар для авиационной техники*; 50: *ангар для авиатехники*; 100: *ангар авиатехники, ангар для авиатранспорта*; 300: *ангар авиационной техники* ● *ангар*.

Таким образом, работа с носителями языка показала свою эффективность. Результаты анкетирования могут быть успешно использованы в рамках синхронно-эквивалентностного подхода, в частности, для анализа особенностей интерпретации аббревиатур носителями языка, для определения стратегий расшифровки незнакомых респонденту аббревиатур, для прогнозирования реляционных дешифровальных стимулов. Однако нами были охвачен очень узкий круг респондентов – школьники. В будущем планируются исследования на более широком материале анкетирования, в котором будут задействованы респонденты разных возрастов, входящие в разные социальные группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 367 с.
2. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А.И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – Москва : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98–107.

3. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращенного слова: к проблеме определения и описания / А. И. Бровец // Русистика. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 487-501. – DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501.
4. Емельянова К.Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К.Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3–4. – С. 126–132.
5. Лялюк А.А. Ономаσιологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А.А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 2 (26). – Владикавказ, 2017. – С. 146–150.
6. Михайлова Е.Н. Реализация актанта семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращенного слова / Е.Н. Михайлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 139–145.
7. Рештаненко А.А. Аббревиатурно-юкстапозитные гибридные гнезда / А.А. Рештаненко // Чтения молодых ученых: материалы IV Республиканской очно-заочной научно-практической конференции (Горловка, 12-13 апреля 2018 г.). – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИ», 2018. – С. 309–311.
8. Рязанова В.А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях / В.А. Рязанова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 143-148. – DOI 10.25688/2076-913X.2021.43.3.15.
9. Смирнова И.Р. О составном абброконструкте / И.Р. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 62–70.
10. Теркулов В.И. Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – Ч. I. – С. 230–241.
11. Теркулов В.И. Модели использования сложносокращенного слова и его эквивалентов в тексте: к типологии синхронной аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 01 ноября 2019 года / Отв. редактор О.И. Дмитриева. – Саратов : Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2020. – С. 105–112.

REFERENCES

1. Apresjan Ju.D. (1974) Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka) [Lexical semantics (synonymic means of language)]. Moscow, Nauka Publ. 367 p. (in Russian).
2. Brovec A. I. (2017) Modifikacionnyj interpretativnyj deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhennogo slova [Modifying interpretive decoding stimulus of a complex abbreviated word]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology.]. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University. – № 6, pp. 98– 107. (in Russian).
3. Brovec A. I. (2017) Deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhjonogo slova: k probleme opredelenija i opisaniija [Decoding stimulus of a complex-abbreviated word: to the problem of definition and description]. In Rusistika [Russistics]. Vol. 17, № 4, pp. 487–501. DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501. (in Russian).
4. Emel'janova K.Ju. (2020) Abbkonstrukt i affiksoid: k voprosu o svjazi ponjatij [Abbroconstruct and affixoid: to the question of the relationship of concepts]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija. – № 3–4, pp. 126–132. (in Russian).
5. Ljaljuk A.A. (2017) Onomasiologicheskij i polevoj podhody k izucheniju abbreviaturnyh slov [Onomasiological and field approaches to the study of abbreviated words]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. № 2 (26). Vladikavkaz. pp. 146–150 (in Russian).
6. Mihajlova E.N. (2020) Realizacija aktantnoj semantiki v reljacionnyh deshifroval'nyh stimulah kak sredstvo traktovki slozhnosokrashhennogo slova [Realization of actant semantics in relational decoding stimuli as a means of interpreting a complex abbreviated word]. In Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. – № 2, pp. 139–145 (in Russian).
7. Reshtanenko A.A. (2018) Abbreviaturno-jukstapozitnye gibridnye gnjozda [Abbreviated-yuxtapositive hybrid nests]. In Chtenija molodyh uchenyh: materialy IV Respublikanskoj ochno-zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii (Gorlovka, 12-13 aprlja 2018 g.) [Readings of young scientists: materials of the IV Republican all-part-time scientific-practical conference (Horlovka, April 12–13, 2018)]. Gorlovka, «GII» Publ. – pp. 309–311 (in Russian).
8. Rjazanova V.A. (2021) Mnozhestvennaja traktovka slozhnyh slov v jekvivalentnyh slovosochetanijah [Multiple interpretation of complex words in equivalent word combinations]. In Vestnik MGPU. Serija: Filologija.

Teoriya jazyka. Jazykovoje obrazovanie [Bulletin of MCU. Series: Philology. Theory of language. Language education]. № 3(43), pp. 143–148. DOI 10.25688/2076-913X.2021.43.3.15 (in Russian).

9. Smirnova I.R. (2019) O sostavnom abbrokonstrukte [About the composite abbro-construct]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija. № 2, pp. 62–70 (in Russian).

10. Terkulov V.I. (2016) Kompozity i slozhnosokrashhennye slova: o smezhnosti javlenij [Composites and complex abbreviated words: about the mixing of phenomena]. Russkij jazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaja nauchnopraktičeskaja konferencija (8–11 ijunja 2016 g.). Simferopol', Antikva Publ. Part I, pp. 230–241 (in Russian).

11. Terkulov V.I. (2020) Modeli ispol'zovanija slozhnosokrashhennogo slova i ego jekvivalentov v tekste: k tipologii sinhronnoj abbreviaturnoj jekvivalentnosti [Models of using a complex abbreviated word and its equivalents in the text: to the typology of synchronous abbreviation equivalence]. In Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksičeskoj sistemy russkogo jazyka : Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar, posvjashhennogo 110-letiju Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saratov, 01 nojabrja 2019 goda [Development of word-formation and lexical system of the Russian language : Collection of articles on the materials of the VII International Scientific Seminar dedicated to the 110th anniversary of Saratov State University, Saratov, November 01, 2019]. Saratov: Limited Liability Company “Amirit”. pp. 105–112 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.01.2025 г.

LEVELS OF STRUCTURAL-SEMANTIC INTERPRETATION OF ABBREVIATIONS BY NATIVE SPEAKERS

V.A. Ryazanova, E.N. Stankus

The article deals with levels of interpretation of abbreviations. This parameter has been brought into the open as a result of the questionnaire answers analysis aimed at identifying regularities in the native speakers' strategies used to decode abbreviations. The relevance of the study is determined by the fact that the provisions of the synchronic-equivalence approach, within the framework of which the study is conducted, have not been previously fully tested with the involvement of real respondents. In the process of the study, we used the method of questionnaire survey, with a control and an experimental groups being distinguished. To evaluate the results obtained we applied structural and onomasiological analysis, methods of comparison, classification and description. As a result of the research, three levels of structural-semantic interpretation of the abbreviation by the native speakers have been singled out. The abbreviation interpretation level depends on the result of a native speaker's decoding of abbreviation into an adequate collocation, which represents the abbreviation structural and onomasiological specificity and is constructed in accordance with the standard language norms.

Keywords: decoding stimulus, abbreviation decoding, interpretation level, syntactic equivalent.

Рязанова Валерия Александровна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка;
старший научный сотрудник.
ORCID 0000-0002-7517-8589.

E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Станкус Екатерина Николаевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Ассистент кафедры русского языка;
младший научный сотрудник.
ORCID 0000-0002-0271-9698.

E-mail: e.n.stankus@mail.ru

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Associate Professor at Department of the Russian
Language; Senior Researcher.
ORCID 0000-0002-7517-8589.

E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Stankus Ekaterina Nikolayevna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Assistant of the Russian Language Department;
Junior Researcher
ORCID 0000-0002-0271-9698.

E-mail: e.n.stankus@mail.ru